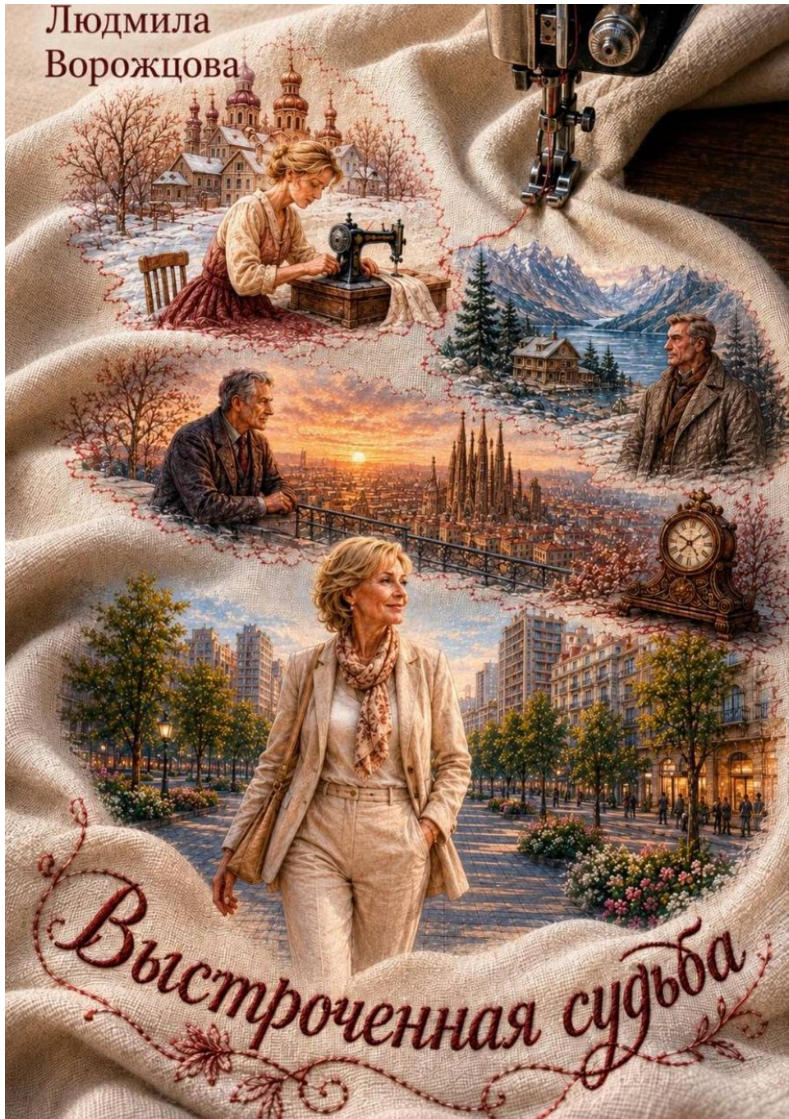


Людмила
Ворожцова



Выстроченная судьба

Людмила Ворожцова

Выстроченная судьба

<https://litres.ru/74136963>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман " Выстроченная судьба"-это честная история женщины по имени Александра,которая ради будущего дочери решается на отчаянный шаг-иммиграцию в Европу. Пройдя через брак в Норвегии,унижения, развод и поиски себя на испанской земле,она зарабатывает желанные деньги, но вместо счастья обретает горькое прозрение. Александра понимает:чужая культура,незнакомый язык и иные традиции становятся непреодолимой стеной даже для создания семьи.Осознав, что счастье не в географии, а в душевном покое, она принимает судьбоносное решение вернуться на в Россию. Эта книга-правдивый рассказ о цене эмиграции, силе материнской любви и поиске своего места в мире, осознании, что дом там, где тебя понимают.

Людмила Ворожцова

Выстроченная судьба

Выстроченная судьба

Нитка к счастью

В одном северном городе, где зима начиналась в сентябре, а весна стеснялась показываться раньше мая, жила женщина по имени Александра. Она не носила пуховики — она их шила. Причём, так шила, что весь микрорайон ходил в стеганых куртках, пальто и капюшонах «а-ля Париж» из-под ее иглы несмотря на то, что Парижем в городе и не пахло — пахло углем и рыбой.

Александра была портнихой — и не просто портнихой, а модельером с фантазией. Клиентки, которым она шила, называли её не иначе как «наша Коко Шанель с Невского», хотя до самого Невского было километров тысяча с лишним, пара пересадок и целая география в голове.

Сама она жила скромно, вдвоем с дочкой Никой. Девочка мечтала стать юристом, защищать слабых и грозно стучать в суде молоточком по столу. Александра не возражала: «Глав-

ное, чтобы не шила, как я, с утра до глубокой ночи! Пусть лучше язык оттачивает, чем иголки ломает!»

Когда заказов стало столько, что пальцы с трудом отличали шёлк от шерсти, Александра решилась открыть свое маленькое ателье. Появились и первые сотрудницы — разномастный коллектив, где каждой полагался чай с плюшкой и полчаса на душевные разговоры в обеденный перерыв. А в целом стол к обеду накрывали из того, кто что принесет. В складчину, как говорится.

Особое место в этом царстве ниток и манекенов принадлежало Ларисе Петровне. Она была не просто швеей — она была подобна дирижеру этого небольшого оркестра. Только вместо палочки в руке — портновская линейка, а вместо арф и скрипок — швейные машинки, ножницы и шелест тканей. Каждое утро она настраивала своих “музыкантов”, и под её чутким руководством ателье превращалось в слаженную симфонию труда. У Петровны, так любезно звала ее Александра, всегда всё было под контролем: от капризной клиентки до сломанной лапки у машинки. Вот и сегодня...

— Лариса Петровна, у меня строчка-зигзаг опять не получается — растерянно пожаловалась Светлана, приподняла лапку швейной машины и с досадой посмотрела на криво проложенный шов.

— Света, у тебя и прямая строчка - каждый раз как квест.

Не машинка виновата — это ты опять шьёшь вполглаза и невнимательно, — не поднимая головы, отозвалась Лариса Петровна. — Сконцентрируйся хоть на пять минут, не пятница же.

Она ловко свернула выкройку, сколола булавкой и, не теряя ни секунды, направилась к следующему рабочему месту, где уже ждала её молчаливая, но внимательная Катя.

— Натяжение нити проверь, и чтобы ткань под лапкой не жила своей жизнью, — кинула она через плечо. — А посадка у тебя опять как у дачницы на привале. Спину держи ровно, локти не растопыривай.

Светлана хмыкнула, виновато склонилась над машинкой и начала заново вдевать нить, уже в третий раз за утро.

В самой глубине ателье гул машинок сливался со шелканьем ножниц и обрывками разговоров. Пахло тканью, паром и терпением — прежде всего Ларисы Петровны, которая за утро успевала проверить всё: и качество швов, и осанку, и степень бессмысленного нытья. Она знала: если Света, наконец, перестанет отвлекаться на кавалеров и хотя бы на минуту сосредоточится на работе, то зигзаг будет ровным, петля — аккуратной, а пуговица пришьётся с первого раза. Хотя, зная Свету, скорее со второго, ну, или с третьего... Но пришьётся — это как пить дать!

Подруга

Наталья Николаевна, подруга юности, жила в Норвегии и в округе ее называли «нашей викингшей». Невысокого ро-

ста, ухоженная, с загаром, который в тех широтах считался роскошью, она приехала навестить маму, а заодно и повидаться со своей закадычной подружкой Александрой.

— Ну, Саша, ты как жила среди рулонов тканей, так и живёшь, — шутливо заметила она, проходясь взглядом по мастерской. — А у нас в Норвегии больше ценится минимализм. Пальто — серое. Люди — спокойные. Мужчины — с бородами, но зато не ноют!

Вечерами, когда все швы были отутюжены, а чайник пел на плите, подружки сидели на кухне и болтали.

— Наташ, а как вы там... ну, живёте? А правда, что у вас за еду никто не дерётся? — с усмешкой спросила Александра.

— Представь себе, да! Там вообще мало кто дерётся. Мне думается, что они и делать-то этого не умеют. Все либо улыбаются, либо идут к психологу, — засмеялась подруга.

Наташа настойчиво приглашала Александру приехать к ней в гости. Посмотреть, как живут, вдохнуть скандинавского воздуха. И к концу лета та, наконец, собралась.

Поездка к подруге оказалась для Саши временем, когда можно было не думать о проблемах, не принимать решений — просто отдыхать. Едва ступив на перрон в Осло, она не

могла оторвать глаз от лаконичной архитектуры строений, аккуратных улиц и завораживающего скандинавского неба. Всё казалось иным — воздух прохладнее, люди спокойнее, даже шум города воспринимался по-другому...

Наташа встретила подругу с распростёртыми объятиями, а её муж Йоаким — с доброжелательной, искренней улыбкой. В доме супругов было уютно: интерьер в светлых тонах с нотками скандинавского минимализма, сказочный вид на фьорд из широкого окна, аромат корицы и норвежских булочек. Александра почувствовала себя желанной гостьей.

— Ну вот, теперь ты у нас! — радостно сказала Наташа, ставя чайник.

— Я всё ещё не верю, что я в Норвегии, — улыбнулась Александра, снимая пиджак. — Такое чувство, что я попала в какую-то волшебную страну.

— Подожди, завтра покажу тебе настоящую сказку, — подмигнула подруга.

И она сдержала слово. Вместе они гуляли по живописному кварталу Aker Brygge, где море встречается с городом. Фотографировались на фоне Оперного театра, словно парящего над водой, и поднимались на крышу музея MUNCH, откуда открывался захватывающий вид на город. Александра не могла налюбоваться на уличное искусство Grünerløkka и на старинные деревянные дома в районе

Damstredet.

— Вот здесь, — показала Наташа, — мы с Йоакимом сделали нашу первую семейную фотографию.

— Тогда срочно нужно сделать и Сашину первую норвежскую! — рассмеялся Йоаким, доставая фотокамеру.

Наташа щебетала:

— Давай-ка на память. Улыбнись, Саш! Только не так, как будто шов кривой прострочила!

По вечерам подруги устраивали домашние ужины при свечах, а в одну из ночей, когда за окнами танцевал северный ветер, Наташа предложила:

— А давайте сыграем в карты! Только по-честному, без подглядываний!

— Я без боя не сдамся, — смеясь, заявила Саша, тасуя колоду.

— Только не плачь потом, Наташа, видимо, Александра знает толк в картах, — поддел жену Йоаким.

Они смеялись, спорили, шутили, а проигравший должен был спеть песню на своём родном языке. В ту ночь Александра проиграла и впервые пела на украинском под норвежский смех и аплодисменты. Это был тот редкий вечер, когда жизнь кажется удивительно простой и теплой, как пушистый плед, в который хочется завернуться и сохранить это тепло навсегда.

Возвращение домой вызывало противоречивые чувства. В поезде, уставившись в окно, Александра будто проживала эти дни заново. Она разглядывала фотографии, которые напечатали перед отъездом. Смеющееся лицо Наташи, ветер в волосах на фоне фьорда... Четкие линии зданий, подсвеченные северным солнцем и казавшиеся сновидением... Она осторожно перебирала фото, словно боялась спугнуть что-то хрупкое, почти волшебное.

Осло остался за спиной, но не покинул сердце. Впервые за долгое время Александра чувствовала не просто радость, а наполненность. Она закрыла глаза и окунулась в воспоминания о чудесно проведенном времени в семье друзей. В ушах все еще звенел голос Наташи:

— Не теряй себя, слышишь? Ты — целая вселенная, просто иногда нужно уехать, чтобы почувствовать это и восстановиться...

Александра улыбнулась. Она не знала, что будет дальше, но чувствовала: внутри что-то сдвинулось, как будто у нее самой расправились крылья, наконец-то освободившиеся от забот и обязанностей.

Вскоре раздался звонок, который в корне изменил жизнь Александры.

— Сашка! Ты села?

— Нет, но могу. Что, посылка пришла?

— Лучше! Мой муж показал наши фотки своему другу. Он тебя увидел... и, представляешь — влюбился! Ну, как влюбился — сказал, что ты “красивая”, “теплая” и «добрая». У нас это редкость!

— Тёплая — это, может, из-за шерстяного свитера, — хмыкнула Александра. — А что ещё сказал?

— Что хочет познакомиться. Серьёзно! Может решишь-ся, а чего ты одна - молодая, красивая! Да и тяжело одной, а еще ведь и дочку поднимать надо. У него, кстати, двое детей. Жена ушла. Сам варит макароны. Рыжий, толстый... но добрый! — Наташа трещала, не переставая, как швейная машинка.

Александра сначала задумалась, но потом махнула рукой:

— Ну, хорошо. Гляну на твоего викинга.

О следующем своем приезде Наташа заранее сообщила подруге. Она приехала на машине и не зависела от расписаний. Женщины снова встретились.

— Ну что, готова к новому знакомству? — улыбнулась Наташа, выходя из машины.

— Не знаю... У меня ощущение, что я еду на кастинг в

сериал про замужних нервно сцепив пальцы в замок, ответила Александра.

— Перестань, ты едешь просто познакомиться. Там уж как пойдёт.

— А если не понравлюсь? Или он окажется каким-нибудь брюзгой? – Саша остановилась и вопросительно посмотрела в глаза подруге.

— Тогда поешь вкусной рыбы, подышишь морским воздухом и вернёшься домой. Без потерь, - спокойно ответила Наташа.

— А если понравлюсь?

— Тогда соберёшь чемодан снова — но уже с другим настроением.

— Тогда ещё страшнее, — обе рассмеялись.

— Да не дрейфь ты! Все нормально будет, – Наташа хлопнула подругу по плечу.

Александра готовилась к отъезду. Через день чемодан был собран, пальто «на экспорт» сшито, и норвежская улыбка перед зеркалом отрепетирована. Честно говоря, она пока не понимала, что её ждёт. Но одно знала точно — сидеть на месте она больше не хочет.

«Выходить замуж или нет — это, конечно, вопрос... Но кто не рискует, тот сидит дома с оверлоком в обнимку! Ни-

кто и ничего не принесет на блюдечке с голубой каемочкой», — подумала Александра и решительно застегнула чемодан.

Рано утром в назначенный день машина Наташи остановилась у подъезда дома. Александра уже стояла с чемоданом и сумкой через плечо, готовая к отъезду. Дорога предстояла неблизкая. Положив чемодан в багажник, она села на пассажирское сиденье рядом с Наташей. Машина тронулась.

Норвегия

Дорога до Осло заняла больше суток — двадцать пять часов в пути, с редкими остановками, усталостью, сменой пейзажей и мыслей. Подруги выехали ещё затемно, и к обеду уже миновали границу.

Первую остановку сделали в небольшой придорожной забегаловке, где подавали крепкий кофе, бутерброды с рыбой и картофельные лепёшки.

— Перекусим немного, а потом дальше, — сказала Наташа, вытягивая ноги. — Нам ещё пилить и пилить. До Осло — как до новой жизни.

Александра ответила как обычно: “Ну да, ну да”, вяло откусив от бутерброда. Волнение сидело в ней глубоко, как заноза. Руки подрагивали, а в животе будто клубок собрался.

— Ты как? — спросила Наташа, глядя на неё.

— Сама не знаю... Всё как в тумане. Вроде взрослая женщина, а сердце колотится, как у школьницы перед первым свиданием. Всё думаю — а вдруг зря? А вдруг он мне не по-

нравится? Ну, или я ему? А вдруг это вообще ошибка?

— Даже если ошибка — это опыт, — твердо ответила Наташа. — Сидя на диване и глядя в окно, опыта не наберешься. А тут — путь, дорога, выбор. Это уже шаг.

Пока они ели, за окном медленно шёл снег, крупными хлопьями ложась на капот. Машины проносились мимо, и казалось, что весь мир куда-то движется, а они едут в самую неизвестность.

Ещё одну остановку они сделали ближе к полуночи — на заправке, где в автомате продавались горячий шоколад и сэндвичи. Александра вышла размять ноги, закуталась в пальто и прошла вдоль машины.

— Устала? — спросила Наташа.

— Не знаю. Наверное, да. Но больше устала не телом — голова разболелась. Боюсь я, понимаешь?

— Все боятся, — ответила Наташа, — но главное — не дать страху вести машину вместо тебя. Пусть сидит на заднем сиденье и молчит.

Александра усмехнулась.

— Ты всё образами говоришь.

— А как иначе? У нас вся жизнь — как кино. Только без дублёров и сценария — уверенно ответила Наташа, снова усаживаясь за руль.

По извилистым горным дорогам с ограничением скорости они ехали почти всю ночь. За окнами автомобиля мелькали стройные сосны, зеркальные озёра и уютные домики с чере-

пичными крышами. Иногда трасса проходила рядом с фьордами — глубокими, серо-синими, словно покрытыми стеклян­ной глазурью. Наташа уверенно вела машину, включив радио на местной волне, где норвежский язык звучал одновременно шепотом и свистом.

Ночь в дороге тянулась медленно, словно время растягивалось. Сначала разговор касался повседневных тем — что взять с собой, как одеться, что приготовить. Затем разговор углубился, затронув более серьёзные темы.

— Наташ, скажи честно... А ты бы решилась, будь на моем месте? — вдруг спросила Александра, глядя на скандинавский пейзаж за окном.

— Я? — Наташа замялась. — Ну, может, и пошла бы. У каждого своя ситуация. Ты не от хорошей жизни едешь. Не от того, что всё в порядке. А у тебя дочь на пороге взрослой жизни. Тут и думать нечего.

— Да, ей в следующем году семнадцать исполнится. Она сейчас с бабушкой. Всё переживает, но я ей не говорю, что еду к мужчине. Думает, что по работе. Бойтся, конечно. Но я знаю: если получится остаться, если получу документы — она сможет выучиться. У неё способности, ей юриспруденция нравится. Говорит: “Мама, я хочу помогать людям по закону, чтобы моя помощь была настоящей и справедливой. Потому что закон — это защита, которая дает людям уверенность и безопасность!”. Ну разве не гордость?

— Гордость, конечно, Саш, — согласилась Наташа. — И

пусть не думает, что ты её бросила. Ты, наоборот, для нее стараешься, беспокоишься за её будущее. А документы — если замуж выйдешь — это уже большой шаг. Жить здесь, конечно, тоже не легко. Просто так никто денег не платит, пахать надо. Но заработать можно больше чем у нас, деньги другие.

Некоторое время женщины ехали молча. Александра смотрела в окно, Наташа сосредоточенно следила за дорогой. Потом Наташа поймала себя на мысли — она переживает за подругу не меньше, чем за сестру. С виду Александра крепкая, с характером. А внутри — уставшая женщина, которой просто хочется, чтобы, наконец, стало легче. Не роскошнее, не богаче, а просто легче жить.

«Даст Бог, приживется. Бруни мужик нормальный. Неразговорчивый, но надёжный. Ей бы немного опоры, чтобы восстановиться, сконцентрироваться. Потом дочка приедет, выучится, устроится, а там и жизнь наладится,» — размышляла Наташа про себя, одновременно следя за дорогой.

К Осло подъехали около трёх часов дня. Небо было затянуто серой пеленой, над городом висел легкий туман, приглушая краски улиц и зданий. Александра внимательно смотрела на незнакомые дома, пустые автобусные остановки и вывески на непонятном языке — всё казалось картинкой из другого мира. Она ощущала себя героиней фильма, в котором неведомы ни жанр, ни сюжет, ни финал.

— Ну что, приехали, — сказала Наташа, припарковав-

шись у дома. — Идем?

Александра глубоко вздохнула.

— Да, конечно, пошли, — она вышла из машины, захлопнув дверцу, и пошла к багажнику за чемоданом.

На следующий день в гости пригласили Бруни. Как-то же надо было познакомить его с потенциальной невестой? Все уже было заранее обговорено, и ни для кого не было секретом, с какой целью организовали междусобойчик.

— Волнуюсь, — призналась Александра, глядя в окно.

— Не волнуйся. Это не интервью в консульстве, — подмигнула подруга. — И вообще, он простой мужик. Без понтов, но с руками и домом.

— С руками? — Саша усмехнулась. — Это комплимент?

— Для здешних реалий — ещё какой, — засмеялась Наташа. — Впрочем, сама увидишь.

Бруни

В назначенное время, ни минутой позже, раздался звонок. Йоаким пошел открыть. В дверях появился он — высокий, плотный, рыжеволосый, с широкой улыбкой. Типичный норг.

— Это и есть Бруни, — прошептала подруга.

Йоаким пригласил друга пройти в комнату, где их уже ожидали Наташа и Александра.

Бруни шагнул вперед и протянул руку Александре:

— *Velkommen, Alexandra!* — сказал он с акцентом, но старательно.

Ничего особенного не происходило, все как по нотам: разговоры, чай, а затем и то, из-за чего собрались.

Бруни не сводил с Александры глаз. Типичная славянка - высокая, статная с длинными, красиво уложенными волосами и небесно-голубыми глазами - она сразу пленила его сердце. Он, как мартовский кот, рад был мурлыкать у ее ног. Наташа подбадривающее незаметно подмигнула Александре, мол, не переживай подруга, все отлично.

Бруни тоже решил не откладывать все в долгий ящик и пригласил Александру провести несколько дней в его доме. Чтобы не терять время, обоюдно договорились начать с этого вечера.

Александра, немного успокоившись, приняла решение: “Ну, что такого страшного произойдет, если я побуду у него пару-тройку дней? Мы уже не девочки и мальчики 17 лет. По-взрослому надо решать. Его, видно, тоже прижало, раз не оставляет времени на конфетно-букетный период”.

Она уверенно поднялась со стула вслед за Бруни. Он взял ее чемодан и, попрощавшись с хозяевами, оба вышли к машине. Так в его доме появилась Александра.

Дом Бруни стоял на окраине небольшой деревни — светлый, деревянный, с высоким крыльцом и крепким забором. Он жил здесь с двумя детьми: двухлетним мальчиком и девочкой четырех лет, с рыжими, как у папы, густыми волосами, стянутыми в торчащие хвостики.

Дети вели себя настороженно, но вежливо поздоровались.

Бруни показал Александре дом. Он был уютный, но нуждался в руках хозяйки. В коридоре пахло пылью и старым деревом, в ванной — плесенью, а кухня больше напоминала склад невымытой посуды.

Гостья

Александра не растерялась. К ужину она уже стояла у плиты в переднике, отмыв все кастрюли до блеска. На следующий день — мыла окна. На третий — разобрала шкафы и, обнаружив порвавшуюся детскую одежду, тут же зашила ее и погладила. Даже сломанную пуговицу на рубашке Бруни она, ни слова не говоря, заменила на новую, а вечером он заметил это сам и, довольный, заулыбался.

Дети быстро привыкали к вкусной еде и к доброй Александре... Девочка тянулась к ней, топталась рядом на кухне, а мальчик, поначалу хмурый, стал заглядывать с любопытством в сумку с нитками и пуговицами - что же это такое? Она не знала языка и говорила с ними медленно, показывала жестами, а они отвечали по-своему, но между ними словно возникла тихая нить доверия и какое-то понимание.

Бруни призадумался. Он рассуждал по-своему, наблюдая за Александрой со стороны — не спеша, с прищуром человека, повидавшего многое: «Она не только красивая, но и крепкая, здоровая женщина. Ни разу не пожаловалась, что устала. Претензий не предъявляла и ничего не просила. Всё прибрала, перестирала, где надо — подшила, подправила, переделала. Кухня заблестела, дети ухожены, а дом наполнился

запахами настоящей еды, которой я давно не ел. Не сидела без дела ни минуты. В общем, Александра из той породы женщин, про которых русские говорят: и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдёт».

Он внимательно прислушивался к тому, как дети общались с ней. Без капризов, без настороженности — с живым интересом, даже с доверием. Это удивляло его: ведь после того, как их оставила мать, они стороной обходили всех женщин, словно боялись привязаться и снова потерять.

Бруни отмечал: конечно, она не из тех, кто поёт, танцует и веселится весь день, зато с нею порядок в доме и смысл. Спокойствие. Он был старше, да. Но не пил, не шляется, дом держал, растил детей и работал. А теперь вот ещё и — такая женщина в его доме!

— Короче, надо брать, — решил он. — Она толковая. Далеко не глупая и, главное, надёжная. Не развалина и не барышня с запросами. К детям относится лучше родной матери. И главное — ей тоже что-то нужно. Не просто так она согласилась познакомиться...

Он чувствовал: их сблизила не романтика, а взрослая, честная необходимость. В этом была и своя правда, и своя сила. Он знал — именно из таких союзов нередко рождаются самые крепкие и надёжные семьи.

Предложение

На следующий, четвертый день Бруни неожиданно, прямо за ужином, отложил вилку и сказал:

— Alexandra... I like you. I like you very much. You... very good woman. (Александра...Ты мне нравишься. Ты мне очень нравишься. Ты...очень хорошая женщина).

Чудесным образом всплыли школьные знания — Александра поняла, что он сказал. Она удивилась, выпрямилась.

— Thank you (Спасибо), — сказала тихо.

— I think... maybe you stay. For always. I mean... marry me (Я думаю...может, ты останешься? Насовсем. Я имею в виду...выходи за меня).

Он говорил просто, по-мужски, не многословно. Александра не ответила сразу. В тот вечер, уложив детей спать, она вышла на крыльцо с чашкой чая и долго смотрела в темноту. Холод пробирал до костей, а в голове было тесно от мыслей.

Тайные размышления

Она сознавала — да, он не молод, и не красавец. Но он не выпивает, не скандалит, работает и кормит семью. Дети — это, конечно, забота, ну и что? Дети вырастут. А главное — это шанс. Документы. Работа. Другая жизнь.

«Если останусь — я сумею выучить язык. Начну зарабатывать. Дочка сможет приехать. Закончит школу, поступит. Она же мечтала о юрфаке. В нашей стране мне трудно будет оплачивать ее обучение. А здесь я заработаю достаточно денег. А если она поступит здесь, будем жить вместе. У нее будет надежное будущее».

Сердце колотилось от волнения. Впервые за долгое время

ей было не страшно за завтрашний день. Только неясно — это чувство было от надежды или от страха что-то упустить?

Утром она подошла к Бруни, посмотрела в глаза и просто кивнула:

— Yes (Да).

Он обнял её осторожно, как будто боялся спугнуть удачу.

А дом, тем временем, наполнялся задорным детским смехом. В голове Бруни мелькнула мысль: “Как долго дети так не радовались, и как давно я не слышал их веселья!”

У Александры, конечно, возникали вопросы, на которые мог ответить только Бруни, но она не спешила их задавать — не хотела ставить его в неловкое положение. Ей казалось странным, почему дети живут с отцом. Ответ приходил сам собой: значит, Бруни — хороший человек, ответственный и заботливый папа. Но однажды любопытство Саша взяло верх — она осмелилась и спросила. Бруни не стал скрывать и откровенно ответил: при разводе жена предпочла учебу детям, поэтому они остались с ним. Пару раз в месяц она приезжает, чтобы провести с ними выходные. В Норвегии это обычная практика, но для Александры это оказалось неожиданным. Пара недель, проведённых в доме Бруни, не прошли бесследно. Дети приняли её, а она начала примерно понимать, какие обязательства берет на себя.

Настал день, когда Александре нужно было отправляться домой. Следовало в срочном порядке уладить все дела, передать Петровне бразды правления швейным бизнесом и воз-

вращаться сюда. Время ждать не будет! Александра торопилась оформить свои документы, чтобы успеть до совершеннолетия Ники получить официальные бумаги и для дочери.

Петровна

«Начинать с нуля страшно. Еще страшнее — не начать никогда»

Лариса Петровна была женщиной из тех, про кого говорят — держится на опыте и принципах. Её возраст никто точно не знал, говорили: «лет под пятьдесят», но могли ошибаться лет на десять в любую сторону. Собранные в аккуратный пучок волосы, очки в строгой оправе и обязательная сантиметровая лента в кармане, как у ковбоя револьвер — на всякий случай.

Она была невысокого роста, но настолько основательной, что даже тяжелый утюг казался ей товарищем по ремеслу, а не инструментом. Одежду предпочитала практичную — темные юбки, блузки с воротничками и вязанные жилеты ручной работы. Обязательно с брошью. Сегодня, например, была брошь в виде ножниц

Она не улыбалась без причины, но когда смеялась — смеялась по-настоящему: заразительно, с прищуром, слегка прикрывая рот ладонью, как это делают интеллигентные дамы старой школы. Работу свою знала досконально. Если говорила, что молния «не там стоит» — значит, молния будет переставлена. Даже если клиент настаивал, что «так и модно».

Александра звала её просто — Петровна. С любовью, уважением и лёгкой ноткой восхищения. Потому что рядом с Петровной всё всегда было под контролем: и дело, и настроение в коллективе, и даже, казалось, чайник не закипал без её разрешения.

Говорили, что когда-то она преподавала в училище — могла по выкройке судить о характере человека. А может, это и правда — Петровна умела видеть больше, чем ткань и строчки. Она видела людей насквозь и принимала их такими, какие они есть.

Вот и сегодня Лариса, как обычно, пришла на работу за двадцать минут до начала смены. Она вообще жила по принципу: «Лучше я подожду, чем меня будут ждать».

Пока город ещё потягивался после северной ночи, в ателье уже тихо пыхтел паром утюг и шуршал деревянный метр — Лариса Петровна наводила порядок в тканях, иглах и мыслях.

Рабочий день для неё начинался не с кофе, а с плана. Кто, что, когда и с какой стороны — всё должно быть распределено, проглажено и, желательно, без импровизаций. Примерки, подгонки, мелкие ремонты — в блокноте у неё было записано даже то, чего, по идее, быть не должно. Потому что, как она говорила:

— Девочки, когда максимально всё предусмотрено — это уже почти полдела сделано...

Сегодня у нее было особенное предчувствие. Александра

возвращалась из отпуска, и Ларису Петровну терзала благородная профессиональная тревога: с какими *новшествами* та заявится на порог.

После последней поездки Александра вдруг ввела «креативные петли», «невидимые молнии» и цветовую палитру, вдохновенную «закатом в Скандинавии»

— Я её знаю: приедет, глянет — и уже мысленно все нитки пересмотрела и пуговицы пересчитала. — почти не слышно пробубнила Лариса Петровна, перекладывая коробку с пуговицами и по привычке сортируя их по настроению.

Она, конечно, могла быть строгой, но именно эта её педантичность и превращала ателье в настоящий маленький «штаб моды». Без неё всё давно бы утонуло в обрезках, спорах и чайных кружках, забытых прямо у швейных машинок.

Первой вслед за Ларисой Петровной на пороге появилась Зинаида — мастерица по сложным подгонкам и главная юмористка коллектива. Шапка с помпончиком, пальто цвета “всё равно потом перекрашу” и в руках — неизменный термос с кофе.

— Доброе утро, Лариса Петровна! А я смотрю — порядок уже наведен, значит, апокалипсис сегодня не состоится, — пробормотала она, аккуратно ставя термос между выкройками.

— Апокалипсис у нас будет, когда Александра с новыми идеями явится, — спокойно отозвалась Лариса Петровна, даже не обернувшись, — если уж вернулась — значит, пере-

мены на пороге. Только бы без сюрпризов с оборками. Мы к новому готовы, но гладильные доски пусть поживут еще...

— Ну, оборки — это ещё ничего. После тех «платьев-трансформеров» у меня глаз дергался две недели, — фыркнула Зинаида и принялась развешивать рулоны ткани по стойкам.

Вскоре в ателье влетела Маша — младший мастер и королева беспорядка. Однажды она умудрилась потерять сантиметр... зашитый в подкладке пальто клиентки.

— Девочки! Я шла, и на углу у кондитерской видела Александру! Чемодан тащит, как будто там не вещи, а рулоны с новыми планами по захвату мира!

Лариса Петровна приподняла бровь:

— Интересно, с каким настроением она придет. Сразу планерку устроит или сначала всех поцелует? — подумала она.

— Вид у Александры Ивановны вдохновлённый. Значит, жди либо новый фасон, либо генеральную перестановку. А может еще что-нибудь интересное, — продолжила Маша и выдохнула с притворным ужасом.

Зазвенел дверной колокольчик. Все вздрогнули — не от страха, а от напряженного ожидания. Ателье затаило дыхание: Александра вернулась.

Едва она вошла в помещение — внутри сразу будто задышало все иначе — даже швейные машинки застрекотали бодрее, а девочки расправили плечи, будто кто-то потуже на-

тянул нити вдохновения. Александра прошла по небольшому залу легко и уверенно, как по подиуму, и, тепло улыбаясь, каждой протянула аккуратно упакованный свёрток.

— Это вам, девочки. Немного заграничной ерунды. Не носить — так повесить и вспоминать.

Все засмеялись. Зиночка начала разворачивать свертки, а Маша, наоборот, бережно прижала к груди. Лариса Петровна скромно поблагодарила и продолжала держать в руке, не желая выказывать любопытство: «а что же там, в пакете?»

Александра улыбнулась и кивнула Петровне, указывая на дверь.

— Пойдём, Петровна, чай пить. У нас с тобой разговор — важный и наедине.

За стеклянной дверью кабинета девочки моментально притихли. Перешептывались:

— Слушай, может, она там с каким-нибудь известным дизайнером контракт заключила?

— Или франшизу открывает! Нас, глядишь, в Париж командировуют — на повышение квалификации.

— А может, наоборот... продала всё? Вон у неё взгляд какой... будто что-то задумала.

Тем временем, в кабинете Петровна осторожно поставила чайник и села напротив. Александра достала из сумки папку.

— Тут, Петровна, документы. На бизнес. Всё оформим быстро. Завтра едем к нотариусу — я хочу всё переписать на тебя.

— Чего? — Петровна даже чашку не успела взять. — Саша, ты что городишь? Куда ты собралась?

Александра улыбнулась загадочно:

— В Норвегию, Петровна. Замуж. Меня там ждут. Мужчина - Бруни. Рыжий, высокий... с характером, но, вроде, добрый. С двумя детьми.

Петровна вздохнула так, что пар из чайника отпрянул в сторону.

— Сашенька... ты подумай! Ну ты ж взрослая женщина... Это ведь не свитер купить, а жизнь перевернуть. Двое детей... Куда тебя понесло?

— Ой, Петровна, мудрая ты моя, - Александра махнула рукой. — Дети – это не страшно. С ними я найду общий язык. Да они вроде и неплохо ко мне отнеслись. Сам он сложный человек!

— Саш, подумай. Не делай глупостей. Здесь все у тебя настроено. Работаем. Дочка твоя учится. — Петровна искренне переживала за Александру и всеми силами старалась ее отговорить от такого, как она считала, опрометчивого шага

— Петровна, я всё решила. Я долго думала, не спала ночами. Всё взвесила. О дочке надо позаботиться. Она учится на пятёрки, старается. Хочет юристом стать. Ее ж учить надо, кто, если не я, поможет? Должна я ее вывести в люди. Да и я всю жизнь - на подгибах да выточках. Пора и мне выкроить счастье.

— А ателье? А девчонки? Кто же им скажет, что моден

этот... как его... шалфейный?

— Ну, шалфейный мы с тобой заранее выберем, — засмеялась Александра. — А по сути... займетесь ремонтом. Всё будет стабильно, Петровна. Шить наряды — дело хорошее, но и штаны, и платья тоже кто-то должен штопать. Вещи всегда будут рваться — в прямом и переносном смысле, и их кто-то должен ремонтировать.

Петровна замолчала. Потом сняла очки, протерла платком, покачала головой:

— Не ожидала я, конечно, такого поворота. Саша, я все понимаю... Но боюсь. За тебя боюсь. А вдруг?

— У меня выбора нет, Петровна. Потом будет поздно. А вдруг у меня получится? Мне для дочери надо будущее обеспечить.

Петровна глубоко вздохнула, посмотрела на подругу с нежностью и тревогой:

— Ну ты хоть телефон не теряй. И не вздумай учить этих норвежских детей кройке и шитью. Пусть сначала носки научатся штопать — попыталась пошутить Петровна, и сама понимая, что шутка не удалась.

— Обещаю! — рассмеялась Александра и подбодрила подругу, — И тебе раз в квартал — посылка с королевским лососем. В обмен на новости и фото из ателье.

Петровна грустно улыбнулась, вздохнула и, опустив глаза, тихо сказала:

— Ну что ж, Саша... если уж решила — поезжай с Богом!

Только помни: для нас - ты здесь и тебя всегда ждем.

Они молча чокнулись чашками. Было немного печально, но в этой тишине ощущалось главное — понимание, поддержка и любовь, которые не перепишешь ни на кого.

Переезд

Документы на Петровну переоформили быстро. Всё прошло как по инструкции: визит к нотариусу, много бумаг и подписей, короткие фразы сугубо по делу. Александра старалась держаться бодро, а Лариса Петровна — деловито и сдержанно. Хотя у обеих было ощущение, будто они расставляют мебель в доме, который кто-то уже покидает.

Проблема появилась там, откуда Александра совсем не ждала. Ника, ее дочка, наотрез отказалась ехать в Норвегию вместе с мамой. Она топала ногами, доказывала свою правоту, как умела.

— Никуда я не поеду, мама. Что ты выдумала? Зачем мне эта Норвегия, я и тут хорошо живу, и учусь.

— Ника, ты не понимаешь. Получишь документы, это все же - Европа.

— Мама, зачем мне они? У меня тут парень. Мы любим друг друга. А ты мне все портишь.

— Милая, послушай меня, – Александра пошла на хитрость. — Давай сейчас возьмем академический отпуск и поедем. А через три месяца, когда получишь документы, вернешься домой и продолжишь учебу. Зато у тебя будет норвежский паспорт и открытая дорога в Европу.

Насилу уговорив дочку, Александра начала сборы в дорогу.

Настал день отъезда. Серое северное утро распласталось над городом — то ли туман, то ли низкое небо. Александра вместе с Никой приехала на автовокзал с чемоданом, в котором лежала не просто одежда, а вся её прежняя жизнь, сжатая в зип-пакеты, и аккуратно уложенные надежды.

У посадочной площадки собрались самые родные: Лариса Петровна — прямая, собранная, в пальто с идеально отутюженными лацканами; мама Александры — в платке и с термосом, как всегда; младшая сестра — с глазами, полными слёз,

— Мам, ты уверена, что это правильно? — спросила Ника. — Уезжать в чужую страну. Да я ... я просто не представляю, как мы будем там?

Александра взяла дочь за руку, ладонь к ладони — как в детстве.

— Это временно. Мы должны. Ради нас с тобой. Чтобы ты могла учиться, жить спокойно, не зависеть. Мы будем вместе. Поверь, солнышко, так надо.

Александра улыбнулась, прижалась щекой к её лбу.

Петровна стояла чуть поодаль, грустная и напряженная, хотя пыталась выглядеть по-прежнему строгой и деловой. Но выражение ее лица говорило больше всяких слов. Отъезд своей подруги Александры она переживала очень болезненно.

— Саш, ну ты подумай ещё раз, — начала она тихо.

Александра взглянула на неё уверенно:

— Петровна, я всё решила. Мне надо успеть дочери документы сделать, пока ей семнадцать. Потом будет поздно. Ты справишься. А я должна рискнуть. Ради всех нас.

— Рисковая ты девчонка, — пробормотала Петровна, вытаскивая из сумки аккуратно перевязанный свёрток. — Вот тут тебе — нитки, иглы, выкройка зелёной блузки, та, что тебе к лицу. И помни: если что — звони в любое время, хоть ночью.

Сестра Александры всхлипывала, а мама крестилась и шептала:

— Господи, береги моих девочек, дочку и внучку...

Автобус подали. Вместе с ним на посадочной площадке появился запах теплого железа и выхлопных газов от переработанного топлива... Ника прижалась к бабушке, на секунду снова став совсем ребенком.

— Бабуль, не переживай. Я вернусь через три месяца. Это совсем скоро.

— Обязательно, доця. Ты маму-то там слушайся. Все же чужая страна.

Александра обняла всех. Потом посмотрела на Петровну:

— Не скучай, дорогая. Ты теперь здесь — главная. Я знаю, всё будет хорошо.

— Не подведу, — твёрдо кивнула Петровна. — Но и ты не подведи себя, ясно?

Двери открылись. Александра пропустила Нику вперед, а затем тоже прошла в салон автобуса... Мать и дочь заняли свои места. Посадку закончили и автобус тронулся. Александра махала в окно до тех пор, пока знакомые силуэты за стеклом не превратились в точки, а потом и вовсе растаяли. Автобус набирал скорость — вместе с ним уносилась прочь её прежняя жизнь, открывая дорогу в неизвестное, сравнимое с белым листом, на котором предстояло начертить новые линии для выкройки.

Она села у окна, машинально разгладив пальто, прижалась лбом к прохладному стеклу. Холод снаружи казался далеким, но внутри всё сжималось от тревоги и расставания.

«Теперь уже точно всё», — тихо прошептала она себе.

Ника предпочла сиденье рядом.

В салоне было тепло, почти душно. Александра расстегнула пальто, аккуратно поставила сумку под сиденье, расправила ворот и молча наблюдала, как родной город медленно исчезает из виду. Мимо мелькали серые дома, голые деревья и промерзшие остановки — всё до боли знакомое и навсегда остающееся в прошлом.

Сердце билось часто и глухо, будто стучало в закрытые двери, а в груди стояла такая тяжесть, что казалось, становится трудно дышать.

Слёзы подступили к глазам, но она сдерживалась, чтобы дочь не видела ее слабости. Всё решено. Всё подписано. Бизнес передан Петровне, вещи собраны, мама, хоть и молча,

перекрестила их в последний раз. Только Бог знал, как нелегко это далось.

«Вот и всё. Поехали», — подумала Александра, сжимая кулаки, чтобы не расплакаться.

Шарф, связанный мамой, лежал в сумке сверху. Александра достала его, прижала к лицу и позволила себе чуть-чуть — самую малость — поплакать. Вспомнились последние минуты с мамой перед посадкой...

— Мам, ты что? Плачешь? — спросила Ника и втиснула свою ладонь под её руку.

— Нет, нет, родная. Ничего. — Александра собралась с духом, и в этот момент завибрировал телефон. Пришло сообщение от Петровны:

«Смотри там у меня. Только разнюнишься — накажу. Всё будет хорошо. Держись, Сашка, и точка».

Александра улыбнулась сквозь слёзы и сказала дочери: «Вот уж кто-кто, а Петровна умеет и поддержать, и взбодрить и поругать».

— Она написала? — улыбнулась Ника. Девушка уважала Петровну и принимала ее как родную. — Мама, а вдруг не получится?

«Боже, как же страшно... А вдруг, правда, ничего не получится? А вдруг зря?..»

Но вслух она сказала:

— Даже не сомневайся. Все у нас получится. По-другому просто и быть не может!

Автобус шел плавно, практически не сбавляя скорости. Где-то там, впереди — новая страна, чужой язык, другие запахи, улицы, правила. А пока — ее решимость, аккуратно упакованная вместе с паспортом, и мелькающие за окном серые, замёрзшие пейзажи, бескрайние просторы и скользкие от инея дороги.

К вечеру Александра почувствовала, как стопы и колени начинают затекать. Места было мало, а путь предстоял долгий — почти двадцать восемь часов. Она слегка вытянула ноги, стараясь найти удобное положение, но тело упрямо отказывалось слушаться. Спина ныла и усталость медленно, но настойчиво окутывала все тело. Временами глаза закрывались сами собой. Мысли не покидали Александру все время поездки. Они то сплетались в один клубок, то извивались каждая сама по себе. «Бруни, его двое детей... Как я справлюсь? Ну хотя бы язык знать, а я-то — ни бе, ни ме. Надо как-то приспособливаться, иначе куда я? Ну, язык выучить можно, надо поскорее им заняться».

В дороге останавливались несколько раз — перекусить, размять ноги, сходить в «домик неизвестного архитектора». Однако, даже после таких передышек ноги не выдерживали и часа пути - всё сильнее немели и ныли. «Если бы ещё хоть немного места для разминки...», — думала она с лёгким раздражением, пытаясь пошевелить пальцами ног.

Ника предложила периодически пересаживаться на ее место, чтобы можно было вытянуть ноги в проход. Дочь ви-

дела, как тяжело мать переносит дорогу, переживала за нее и нет-нет, да занимала ее разговорами, насколько это было возможно...

Время тянулось долго. Александра пыталась отвлечься и представляла, как встретится с Бруни, как - с его детьми. Как они ее примут в новом качестве. Ведь тогда она была просто гостья, а теперь... «Ну, хоть бы они были нормальные... А если нет — значит, буду быстро учиться быть и мамой, и хозяйкой новой жизни», — улыбнулась она про себя.

Временами дремота захватывала её, глаза закрывались сами, не подчиняясь приказу “не спать”, голова опускалась на плечо, потом резко вскидывалась, словно кто-то невидимый играл с ней в прятки: «Вот я, просыпайся», а тело, особенно затекшие ноги, назойливо напоминали о своем неудобстве.

За окном мелькали знакомые пейзажи — сначала северные ели, покрытые инеем, редкие деревянные домики, которые выглядели, словно на картинке из детской сказки, потом холмы и бескрайние поля. Солнце лениво опускалось за горизонт, окрашивая всё вокруг в бледно-розовые и голубые тона. Александра невольно улыбалась, думая, что даже такая простая красота — хороший знак перед началом новой жизни.

После суток, проведенных в пути, ноги почти не слушались, и она с трудом сгибала колени.

В салоне автобуса уже веяло усталостью и терпким кофе из термосов других пассажиров. Александра старалась дер-

жать осанку и думала: «Главное — добраться до пункта назначения, а там уж будет видно».

Новое место

Наконец, автобус приблизился к Осло. Усталость и напряжение сменились легким трепетом. За окном начали появляться первые признаки большого города — чужого и незнакомого, но уже такого желанного. Ника пересела к окну и, не отрываясь, разглядывала новые пейзажи.

— Ну, в принципе, неплохо. Наверное, тут жить можно. Ладно, три-то месяца как-нибудь потерплю — размышляла девочка, тайно мечтая, как она вернется домой и расскажет своему парню обо всем, что увидела.

Было около полудня. Небо застилала светлая туманная дымка, сквозь которую солнце пробивалось неровным, рассеянным светом.

Александра глубоко вздохнула и, прижав ладонь к стеклу, подумала: «Вот и новая жизнь. Главное — начать, а там видно будет... Ну, Александра, — держись! Теперь всё от тебя зависит».

На автовокзале их уже ждал Бруни. Он вежливо поздоровался с Никой.

— Здравствуй, здравствуй! Добро пожаловать, — с теплой улыбкой сказал Бруни, взял чемоданы у Александры и Ники и ловко уложил их в багажник.

— Александра, твоя дочь — такая же красавица, как ты, — он внимательно оглядел обеих, не скрывая восхищения.

Жизнь постепенно входила в новое русло. Образовалась настоящая, хоть и немного непривычная для Александры, большая семья. Нику устроили в школу, и она целыми днями пропадала на занятиях. Дети Бруни ходили в детский сад. Александра тем временем сосредоточилась на поиске работы и интенсивном изучении языка. Ей хотелось не только быть полезной, но и почувствовать себя частью этой новой страны и новой жизни.

Александра не боялась никакой работы. По дому она справлялась просто замечательно. Бруни был на седьмом небе от радости, что в доме появилась такая хозяйка. Все помыто, поглажено, почищено, подшито и ухожено. Еда приготовлена вовремя и самое главное – вкусно.

Невеста, жена или...

Декабрь в Норвегии наступал уверенно и бескомпромиссно. С каждыми сутками световой день становился все короче – уже к трём часам начинало стремительно темнеть. Низкое небо нависало над крышами домов, а воздух был пропитан ледяной свежестью. Снег то ложился лёгким покровом, то таял, оставляя влажные следы на тротуарах. В такие дни особенно ценились тепло дома, мягкий свет свечей и запах корицы, доносившийся из булочных.

Настал день свадьбы. Он выдался пасмурным, с лёгким ветром и мелким снежком, кружащимся в воздухе. Это была очень скромная церемония — без помпы, без толпы гостей. Родственники пришли только со стороны Бруни, и, ко-

нечно, рядом с Александрой была её дочь Ника, трогательно серьёзная и нарядная в своём скромном платье.

Свадебный стол был накрыт просто: немного закусок, домашняя выпечка, горячий чай и легкое вино. Не было ни громкой музыки, ни тостов, ни праздничной суеты — всё было сдержанно, почти буднично. Как будто это был не самый важный день в их жизни, а просто еще один шаг вперёд. Но в этом молчаливом спокойствии чувствовалась подлинность. Люди не играли ролей — они просто были рядом.

Александра не ждала сказки. Её согревало другое: рука дочери в её руке, возможность реализовать построенные планы и ощущение, что теперь у неё есть дом. Всё произошло за неделю до её дня рождения — и она подумала, что, возможно, это самый неожиданный подарок в её жизни. Лицо Бруни тоже светилось радостью — возможно, от чувства любви, а возможно, от осознания, что теперь в доме появилась хозяйка, и ему больше не придётся думать о стирке, ужине и списке покупок.

Разница в менталитетах, незнание языка, незнакомая среда и чужие традиции – все это осложняло жизнь Александре. Чтобы как-то занять себя и не думать об этом, она загрузила себя работой так, что и присесть некогда было. Изучение языка, потом беготня за покупками, готовка, стирка, глажка, уборка - и так целый день. Вечером Саша занималась детьми. После ужина мыла, чистила посуду, читала сказки малышам перед сном, потом уделяла внимание дочке - ей тоже было

тяжело в чужой стране и незнакомой среде.

Уж как ей трудно было идти в спальню! До последней минуты она находила себе какие-то дела, в ожидании, что Бруни заснет. А утром снова все начиналось, как обычно.

Прошла неделя. Январь выдался особенно серым. Солнце почти не показывалось — небо будто застыло, равномерно-свинцовое, тяжёлое. По утрам шел мелкий снег, но уже к полудню он превращался в рыхлую слякоть, покрывающую улицы. Воздух был влажным и колючим, пахло холодом и дымом от дровяных каминов. Александра, кутаясь в шарф, шептала себе под нос:

— Потерпи... Пройдёт зима — и всё наладится.

Не мое

Саша надеялась привыкнуть. Она вообще делала все старательно — ловко, но без лишней суеты, тихо и по-женски терпеливо. Готовила вкусно и с душой: варила густые, наваристые борщи, от которых по дому разлетался родной запах свеклы и чеснока, жарила сочные котлеты, стряпала булочки и пирожки — такие, как пекла, когда-то её мама по воскресеньям. На кухне ей было спокойно: там всё подчинялось простым и понятным правилам — огонь, кастрюли, тесто, время.

Бруни почему-то был категорически против этой кухни. Он морщился, отодвигал тарелки и с видимым удовольствием жевал свои любимые бутерброды из длинного хлеба, сложенного в шесть слоев и покрытого тонюсенькими, почти

прозрачными ломтиками колбасы. Он ел их медленно, с наслаждением, будто это был настоящий деликатес, и при этом смотрел на Сашины кастрюли, как на нечто нелепое и ненужное.

На правах хозяина дома он требовал, чтобы Александра с дочерью не разговаривали на своём родном языке. Ему казалось, что так «правильнее», «проще», «как у всех». Но женщина не понимала ни сути его требований, ни самого раздражения — язык ведь был для неё единственным островком безопасности, связью с дочкой, со своей прошлой жизнью, с собой настоящей.

После скромной свадьбы, прошедшей почти буднично, жизнь вошла в тихое, размеренное русло. Александра старалась быть полезной — для всех. Она вставала рано, собирала детей в садик, провожала Нику в школу, убирала, готовила и учила язык. Саша чувствовала, что не имеет права расслабиться: теперь у неё не только новая семья, но и новая реальность, в которой ей нужно было заново отвоевывать своё место — спокойно, терпеливо и без истерик. Особенно ради Ники.

Она стирала и гладила — аккуратно, с каким-то особым усердием. Каждую рубашку, каждую детскую кофточку складывала ровно, по размеру, по цвету, укладывая стопки в шкаф так, будто этим порядком пыталась удержать саму жизнь от разрушения. Но дети есть дети. Достаточно было на минуту отвернуться — и полки опустошались одним махом.

Бельё летело вниз, падало на пол, его топтали маленькими ножками, раскидывали по комнате, превращая все её старание в хаос. Александра не сердилась, а только грустно вздыхала. Вечером, вернувшись после работы, ей снова приходилось собирать всё с пола, разглаживать складки, расправлять и терпеливо возвращать вещи на полочки. А на следующий день все начиналось сначала.

Дочь была её тихим союзником. Ника всё понимала, хотя и не задавала лишних вопросов. В моменты, когда Александра уставала от недосказанностей, одиночества и равнодушия со стороны Бруни, девочка подходила к ней, крепко обнимала и шептала:

— Мам, ты у меня самая сильная. Мы справимся, правда ведь?

И Александра грустно улыбалась и гладила её по волосам:

— Конечно, милая моя девочка. Обязательно справимся.

С Бруни они говорили больше о быте — кто купит хлеб, кто заберёт детей, куда отнести документы. Он был спокоен, даже внимателен в мелочах, но от него веяло отчужденностью. Словно всё важное для него уже произошло, и теперь он просто жил рядом, не пытаясь открыть для себя её душевный мир.

Через неделю после свадьбы у Александры был день рождения. Она заранее не ждала ничего особенного, но в глубине души теплилась надежда — может, он удивит? Приготовит сюрприз? Скажет что-то тёплое?

С утра Бруни ходил по дому, собираясь в дорогу. Вышел, ничего не сказав, и вернулся только поздно ночью. Дети давно уже спали и смотрели цветные сны, а Александра ждала мужа.

Хлопнула дверь — на пороге появился он.

— Бруни... ты ведь знаешь, что у меня сегодня день рождения? — тихо сказала она, когда он вошёл в дом, стряхивая с куртки снег.

— Ну... Да. У нас взрослые не отмечают, только дети. Это не принято, — пожал плечами он, будто это объясняло всё.

Александра молча ушла в комнату...

Позже, через несколько дней, одна из соседок, добрая и словоохотливая женщина, с улыбкой рассказывала:

— У Мариты была на дне рождения. Ее муж даже торт сам испек!

— Это у ее детей было торжество? — любопытствовала Александра, — Бруни сказал, что у вас взрослые не отмечают свой день рождения. Не принято.

— Как это — не принято? — искренне удивилась соседка. — У нас всегда празднуют: и с детьми, и со взрослыми. Это же повод порадоваться!

В тот момент что-то в Александре болезненно дрогнуло — словно тонкая нить, державшая её изнутри собранной, натянутой, — внезапно лопнула. Горькая правда осела в груди тяжелым, холодным грузом. Она не стала ничего объяснять, оправдываться, доказывать.

Просто тихо сказала:

— Ну и хорошо. Я рада за Мариту.

Чтобы не показывать свою обиду домашним, Саша уходила в ванную. Там, за закрытой дверью, можно было дать себе волю. Она сжимала губы, прижималась лицом к стене и слёзы, как тонкие ручейки, текли по щекам без звука. Саша плакала — не из-за подарков, не из-за торта, а от чувства, что её не увидели, не поняли и восприняли не как жену или подругу, а как домработницу и няню.

Александра искала покоя в общении с малышами. Улыбалась, когда помогала им надевать варежки, рисовала с ними, читала сказки. Там, в этом детском мире, не было обмана, упреков и обид. И Бруни её не беспокоил — он видел, что она занята.

Ника заметила, что мама как-то сникла. Она часто приносила ей чай, садилась рядом на диван и прижималась к ней, укрывшись одним пледом....

— Мам, ты ведь не жалеешь, что мы сюда приехали?

Александра молча обнимала дочь. Нет, не жалеет. Ради неё — никогда. В ней крепла решимость. Если её не радуют — она сама создаст себе праздник. Если её не поддерживают — она будет опорой для себя и дочери. И кто знает — может быть, со временем Саша снова научится верить в тепло и настоящую любовь.

Сложено в шкаф

В конце января в городе организовали ярмарку. В людных

местах развесили красочные объявления с приглашением. В этот день все магазины и лавки были открыты. Приехали и фермеры со своей продукцией. Бруни пригласил Александру. Деревня, где они жили, была малонаселенной. От дома до дома не докричишься. Поэтому Александре было за счастье поехать в город, побыть среди людей, посмотреть, как они живут, как проводят праздники. Радостная и воодушевленная, она достала из шкафа свой любимый красный пиджак. Надела черные брюки, снежно-белую блузку, туфли на каблуках, сделала макияж и вышла в комнату, где ее ожидал муж. Выглядела Саша очень эффектно. Стройная, высокая и красивая, она улыбалась мужу в надежде, что именно сегодня он оценит ее, заметит и изменит свое отношение.

— Ты как кукла Барби, – брезгливо бросил он ей в лицо, — сиди дома.

Бруни хлопнул дверью и уехал, больше ничего не объясняя...

Александра была ошеломлена его реакцией. Она долго стояла в тишине, словно пытаясь осознать, что сейчас произошло. Ее руки дрожали, в горле стоял ком, а в груди будто ребра ломало, как после удара. Она смотрела на закрывшуюся дверь, надеясь, что он вот-вот вернется, скажет, что пошутил, обнимет, рассмеется. Но минуты шли, и становилось ясно — это было всерьёз. Он уехал. Оставил её.

Обида захлестнула Александру не сразу. Сначала пришло недоумение: за что? Почему? Ведь она так старалась. Хотела

понравиться. Хотела, чтобы он гордился ею, чтобы взял её за руку на той ярмарке, чтобы люди видели — они вместе и у них всё хорошо. Но вместо этого — отвращение в его голосе и фраза, от которой ей стало физически больно: *"Кукла Барби — сиди дома."*

Это было не просто грубостью. Это было унижением, пренебрежением к её попытке хоть как-то приблизиться к нему. В этой фразе — вся суть их последних месяцев: холод, отчуждение, равнодушие. Бруни отдалялся, и Александра это чувствовала. Сначала она оправдывала его — усталость, работа, заботы. Потом винила себя — может, она стала скучной, неинтересной и недостаточно хорошо владела языком. Но сегодня она снова поверила, что может быть желанной. И вот — очередной удар.

Слёзы подступили к глазам, но она не заплакала. Только крепче сжала губы. Внутри закипала смесь боли, стыда и ярости. Он даже не удосужился объясниться. Просто ушёл, как будто она — пустое место.

Её обида была глубже слов — это была рана, нанесенная в самый уязвимый момент. Александра все ещё стояла в туфлях и в том самом красном пиджаке, на фоне которого ее лицо выглядело побледневшим, как у человека, пережившего предательство. Она медленно подошла к зеркалу, посмотрела на своё отражение — красивая, ухоженная женщина с грустными глазами — и вдруг поняла: всё, что она сейчас чувствует, не просто обида. Это — пробуждение. Слишком

долго она ждала его внимания, старалась, прогибалась, надеялась. А сегодня, получив в ответ только насмешку, Александра словно проснулась.

Саша накормила детей, как обычно — спокойно улыбаясь, без суеты, хотя внутри у неё всё кипело. Младшие не замечали, они были слишком малы, но Ника, ее дочка, чутко уловила перемену. Она принесла маме тёплый плед и села рядом.

— Мам, может, посмотрим кино? Или просто посидим вдвоём?

Александра нежно коснулась её руки.

— Ты моя хорошая! — она грустно улыбнулась, — Но уже поздно. Завтра в школу

— Я не хочу тебя оставлять одну. Тебе сегодня грустно, — настаивала Ника, жалея маму.

— Всё хорошо, правда. Просто день был непростой. Давай тебя уложу, как раньше, ладно?

Дочь не возражала. Мама проводила её до комнаты. Девочка устроилась в постели, а Александра бережно подоткнула одеяло и тихо села рядом. Она гладила волосы дочери, как прежде, и не спешила уходить.

— Мамочка, ты красивая. Зря он так, — твердо сказала Ника.

Александра прижала палец к губам дочери и глубоко вздохнула:

— Спи, детка. Завтра будет новый день.

Она сидела с дочкой, пока та не уснула. Потом тихо вышла в гостиную. Села на диван и, как обычно, взяла в руки иголку — что-то подшивала, чтобы занять руки и унять мысли. На сердце было тяжело, но лицо оставалось спокойным. Саша привыкла держаться стойко.

Бруни вернулся поздно. Дверь хлопнула резко, будто он вошёл нарочито шумно. Он прошёл в комнату, не разуваясь и, не глядя на жену, бросил свёрток ей на колени.

— Это твоя одежда. Завтра куплю кроссовки, — сказал он и ушёл на кухню.

Александра вздрогнула от неожиданности, когда свёрток упал ей на колени. Она подняла голову, посмотрела на мужа, но он уже повернулся к ней спиной и скрылся за дверью кухни. Несколько секунд Саша просто держала в руках пакет, не понимая, что происходит. Развернула — внутри была спортивная одежда: серое трико и бесформенная кофта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.